

В полном тексте XVI в. распространенной редакции Измарагда такого рода своды наставлений представляют следующие «слова»: «Слово о наказании святого Василия ко всякому человеку» (Измарагд, ч. 1, лл. 10—11), «Слово святых отец како подобает жити христианом святого Петра» (ч. 2, л. 8—8 об.), «Слово святых отец како жити христианом» (ч. 2, лл. 27 об.—29), «Слово святых отец како подобает жити христианом» (ч. 2, лл. 62 об.—63 об.). В старшей редакции Измарагда к обобщающим поучениям относится и помещенный в начале сборника «Стословец Геннадия патриарха Цареграда» (В. А. Яковлев, стр. 9).

Преобладающей формой «слов» в Измарагде являются поучения на какую-либо одну определенную тему: «о милостыне», «о покорении», «о гневе», «о зависти», «о богатых и немилостивых» и т. д. Попутно эти «слова» касаются и других смежных тем христианской морали. Дополнением к «наказаниям»-рассуждениям являются рассказы, выписанные из патериков и Пролога, иллюстрирующие образцы награжденного соблюдения или наказанного нарушения тех или иных предписываемых правил поведения.

Измарагд обнимает весь круг вопросов общественной и личной морали средневековья, в ее существеннейших сторонах. Это своеобразная энциклопедия, сложившаяся уже в XIV в., а в конце века усилившая тематику, адресованную по преимуществу «мирским» людям: восхваление моральной и материальной пользы всякого общественно нужного, производительного труда, убеждение, что спастись можно и в миру, обличение «немилостивых» и скупых богатых, несправедно добытого богатства, наставления «властелям», какими им надлежит быть, чтобы заслужить повиновение, и т. д. Измарагд и в первой редакции адресовался к «мирским» людям и к белому духовенству, а с течением времени в нем становится все заметнее внимание к запросам «мирского» читателя за счет сокращения иногда специально церковных вопросов. Это была книга для «домашнего», а не церковного чтения.

Примечательно, что Измарагд утверждает полную ответственность человека за свои дела: «... мы сами есмь добру и злу вина, от нас жа раждается зло и добро, от нашего естества вся исходит» («Слово святых отец» — Измарагд, ч. 1, л. 29 об.). Частые ссылки на козни сатаны и дьявола не снимают этой ответственности человека за свои поступки. В основе всей этики Измарагда лежит характерное для христианства представление о том, что земная, «тленная» жизнь человека — лишь преддверие вечной жизни, которая начнется для него после смерти. Эта вечная жизнь будет для праведно живших и искренне покаявшихся в грехах райской радостью в «царстве небесном», а для нераскаявшихся грешников, нарушавших «заповеди», — адскими мучениями. Сдерживать человека в его поведении и побуждать к праведной жизни должен «страх господень», «страх божий», о чем постоянно напоминают поучения Измарагда. Есть и отдельное «Почтение о страхе божию ко всем христианом» (ч. 1, л. 103—103 об.), в котором кратко изложено толкование библейского изречения «Начало премудрости — страх господень»: он «ничто же велит зла творити... велит поминати смерть на всяк час и страшное судище». Подобно праведным, апостолам и мученикам, которые «спасошася», претерпев «в печалех и в пропастьех и в пустынях, тако же чающе мзду великаго бога, тако же и вы, чада, страха ради господня, все добро творите спасения своего. Грех же аще кто сотворит по дияволу делу, да тем же дни покается. Блюсти бо ся смерти: внезапно приидет» (ч. 1, л. 103 об.). Дохристианской религии славян этот принцип возмездия после смерти был незнаком, и поэтому о непрерывной ответственности за земную жизнь дидактическая литература напоминала особенно настойчиво.